

ПРИНИМАЯ УДАР НА СЕБЯ

ПОЧТИ год идет на сцене новосибирского ТЮЗа спектакль «Солнечный удар» по пьесе А. Яковлева. Драматург, как уже отмечалось, поднимает проблемы, не так хорошо изученные в детской литературе и до недавнего времени чуть ли не «запретные». Неслучайно некоторые педагоги, посмотрев спектакль, в котором пионер Алеша Знаменский падает от любви в обморок, приходили в негодование.

Создатели спектакля (художественный руководитель постановки Л. Белов, режиссер Н. Ситкова, художник Е. Гороховский, композитор Г. Гоберник) выходят к зрителю открыто, с доверием. Никаких стыдливых недомолвок, никаких скидок на пионерский возраст, никаких уступок псевдопедагогическому взгляду на вещи. Поднимается занавес, и наши взоры прикованы к лагерному изолятору, в котором находится влюбленный до обморока Алеша Знаменский. Больничная кровать, тумбочка, окно контрастируют с ярко-желтым палаточным уб-

ранством сцены. Наклонные деревянные навесы над изолатором словно дороги, ведущие к горизонту. Где-то там, далеко-далеко, поднимается солнце...

Роль Знаменского стала удачей молодого актера Сергея Петрова, выпускника новосибирского театрального училища. Исполнитель точно передает настроение своего героя. Алеша взвинчен, недержан, искренен. У актера нелегкая задача. Вариант, который можно предположить, — этатик современного Ромео в пионерском галстуке, — притягивает своей проторенностью. В этом варианте от актера требуется продемонстрировать набор не новых приемов, показав нам в очередной раз своеобразный гибрид полувзрослой, полудетской любви, развивающейся по законам, давно известным.

Вторая задача сложнее — показать и не любовь вовсе, а то удивительное, что происходит вдруг, казалось бы, откуда в жизнь подростка, переворачивает в нем еще и не сложившееся представле-

ние о мире, окружающем его, и вплотную подводит к решению по-настоящему взрослых проблем, понуждает решать их со взрослой принципиальностью. Иными словами, мы присутствуем при рождении настоящего мужского характера.

Сергей Петров наделяет своего героя внутренней силой и стойкостью. Мы знакомимся с художавым очкариком, растерянным и подавленным своим открытием. Он чувствует и примерно знает, что открылось ему, но не может подобрать слова, которое определило бы точно этот взрыв эмоций в нем. Вспомним, забавную, на первый взгляд, сцену. Полузащитник Хиппи, друг Знаменского, рассказывает Алеше об идиосинкразии, болезни века, поразившей его младшего брата: малый физически не воспринимает клубнику, просто запаха ее не выносит. Выслушав эту историю, Алеша вдруг говорит, что он-то упал от «идиосинкразии наоборот». Вот оно, точнеешее определение, найдено! Как сосредоточен в эти минуты герой Знаменского и

как тверд. Хиппи, наконец, тоже понимает сокровенный смысл происшедшего. «Так, выходит, ты от любви свалился? — запросто спрашивает он. «Выходит, что так», — утвердительно кивает Алеша. Петров проводит сцену сдержанно и последовательно, он приобретает зритель к тому процессу самоанализа, что происходит в подростке.

Исключительные события, происходящие с персонажами, воспринимаются нами как своеобразный матч, разыгранный не на футбольном поле, а в жизни. И не случайно Алеше Знаменскому отведена роль свободного защитника: это самый опытный игрок, который лучше всех должен ориентироваться и главный удар всегда принимать на себя.

Но несмотря на это, атмосфера некоей туманности, зыбкости, неопределенности присутствует в спектакле. И это потому, что в таком состоянии пребывает симпатичный нам герой. Но кого же он любит? Анастасию или вожатую Дин? Алеша искренен

в этой своей нерешительности, потому что и в Вере Петровне (арт. Л. Сумникова) предчувствует до духовное родство, то прекрасное женское начало, перед которым нужно преклоняться. И одно только это предчувствие его способно творить чудеса: в новом облике, женственная и одухотворенная, появляется Дин — «свой парень».

Ключевая сцена спектакля начинается с поединка Алеши Знаменского и физрука Самохвалова. Знаменский С. Петрова сосредоточен и углублен в себя, мы верим, что именно в эти минуты он определяет главного своего противника и понимает, что будет всегда исповедовать. Суперменству Юрыча, его самолюбование, бессмысленному стремлению к победам (и в спорте, и в жизни), беспечному существованию на сотворенном самим собой пьедестале (чемпион города по пятиборью) Алеша противопоставляет позицию рыцаря, честного, справедливого, бескорыстного.

Юрыч в исполнении Юрия Соломенна личность откры-

венно неприятная, они со Знаменским антиподы, непримирим конфликт между ними. Победу одерживает Алеша. Юрыч безоговорочно положен на лопатки. И Нянин, добрый, чуткий директор лагеря, понимает, как недальновиден был со своим воспитанием по схеме: влюбленный в вожатую должен стать ее первым помощником, ответственным в лагере за тишину. И Дин отныне верит в любовь. Странный мальчишка этот напомнил всем, что существует в этом мире такая удивительная вещь, как «идиосинкразия наоборот». Когда двое мыслят и чувствуют одинаково и умеют разговаривать друг с другом и молча.

И когда Нянин (арт. Я. Кузнецов) все же решает во всеуслышанье объявить, что у пионера Знаменского на линейке «имел место факт солнечного удара» и «всякие другие версии считать ложными слухами», Алеша подтверждает, что был солнечный удар. Потому что, когда увидел он Анастасию, на нее больно было смотреть. Как на солнце. И

лукавое солнце, нарисованное художником на том самом горизонте, вмиг открыло свои глаза и подтвердило истину. И явилась Анастасия (арт. Л. Вовколуп). Тихая и растерянная, трогательная и прелестная. И робкий горнист, странный двойник Знаменского (арт. С. Василешинский), который молча наблюдал за происходящим, разучивал свои соло на горне, вдруг срывается к Алеше, и колотят они друг друга по плечам, как старые, добрые друзья.

Так счастливо заканчивается «Солнечный удар». На фо-

не оранжевых палаток с платками все они кажутся разобравшимися во всем. И среди них вытянувшийся в струнку очкарик... Не от него ли вновь исходит настроение какой-то грусти? Это хорошая грусть. Сейчас им взгрустнулось, а завтра будет веселый день, и каждый из них станет мудрее. И этот неземной Знаменский — тоже.

Н. КАТАЕВА.

На снимке: Алеша Знаменский — С. Петров.
Фото Н. Соничевой.

127 409 10761

«Вечерний Новосибирск»